

Эта девица и прежде была прямодушной, и сейчас, судя по всему, мало изменилась: если на душе тревожно, страх и волнение отражаются на лице без малейшей попытки скрыть их. Увидев её выражение, я встревожилась и поспешно спросила: «А-Минь, твоя сестра и вправду тяжело больна?»

Дугу Минь взглянула на меня и тихонько «хм» кивнула. Старый слуга рядом кашлянул, и она угрюмо добавила: «Очень тяжело, болезнь заразна, гостей принимать нельзя. Прошу, Эрнян, возвращайся».

Раз уж она так говорит, мне оставалось лишь поверить. Я задала ещё несколько вопросов о болезни, но Дугу Минь отмалчивалась, отвечал старик, и его ответы были столь противоречивы, что у меня в голове всё перепуталось. Оставив им привезённые с собой несколько кувшинов хорошего вина, я уже повернулась, чтобы уйти, как вдруг Дугу Минь окликнула меня: «Эрнян!» Я подняла на неё взгляд и увидела, что она хочет что-то сказать, но не решается. Несколько раз она начинала и обрывала себя, и наконец выдавила: «Говорят, в округе Ци мятеж? Много ли войск? Опасен ли?»

Старик сурово окрикнул её: «Цинян!»

Дугу Минь снова замолчала и молча проводила меня до коня. В душе у меня клубились подозрения. Я побродила по улицам, заглянула в чайные, прошлась по переулкам — все говорили лишь о житейских мелочах. Дома я навела справки, но никаких новостей не было. Вернувшись во дворец, я рассказала А-Хуань, и у неё возникли некоторые догадки, однако она сказала, что не может быть уверена, пока не получит точных сведений, и тогда сообщит мне. Мне пришлось томиться в неизвестности ещё несколько дней. В середине десятой луны, явившись утром навестить матушку, я увидела, что она смотрит на меня со странным выражением лица и швыряет передо мной письмо: «Вот что натворила Дугу Шао».

Я в недоумении раскрыла письмо и, прочитав несколько строк, поняла, отчего в тот день её семья вела себя так странно: вскоре после выступления армии Дугу Юанькана Дугу Шао ночью перелезла через стену усадьбы и в одиночку отправилась на фронт в округ Ци.

Письмо, переданное матушкой, прибыло из Цзичжоу. В нём говорилось, что Дугу Шао не присоединилась к армии Дугу Юанькана, а одна проникла в близкий к Личэну уезд Чанцин и, используя звание капитана стражи Цзинью, стала собирать войска, подняла знамя и выступила против мятежников. Военные донесения секретны, подробности неизвестны, известно лишь, что матушка, посоветовавшись с советниками, в тот же день издала указ, назначив Дугу Шао генералом Юцзи и предоставив ей полномочия по военным делам в десяти уездах, включая Чанцин, Личэн, Чжанцю и Линьи — все, кроме Чанцина, уже пали под натиском врага, да и Чанцин, по сути, тоже был захвачен, и лишь благодаря прибытию Дугу Шао в городе удалось поднять одинокое знамя сопротивления — с правом действовать по обстоятельствам и по своему усмотрению.

Эта весть вызвала у меня смешанные чувства. Радовало то, что Дугу Шао наконец смогла, как желала, вступить в армию, и что, став официально назначенным военачальником и совершив военные подвиги, она обретёт ещё больше самостоятельности в брачных делах. Беспокоило же то, что фронт — место опасное, а она одна проникла в осаждённый город. Случись с ней что — это стало бы истинным горем. Тем более, что она отчасти поступила так из-за моих уговоров.

Помимо тревоги за Дугу Шао, во мне зрело смутное предположение, от которого на душе становилось беспокойно. Несколько раз я собиралась спросить А-Хуань, но слова застревали на губах.

Я люблю её. Люблю, как она стоит за дверью, вытянув шею в ожидании меня. Люблю, как она говорит, с той тысячью оттенков полуупрёка-полурадости, что обращены ко мне. Люблю каждую её улыбку, каждый жест, люблю каждый звук её голоса, изменения тонов — ровного, восходящего, нисходящего и резкого — на её устах всегда расцветают необычайной магией, не требующей украшений, естественной, как небесная музыка.

Но Дугу Шао — моя подруга. Если на сей раз с ней что-то случится, я, пожалуй, никогда себя не прощу.

А-Хуань и раньше строила расчёты с моим участием. Вообще-то, наша дружба с самого начала была полна корыстных соображений. Однако её расчёты со мной отличались от расчётов с Дугу Шао. Это было некое невыразимое чувство. Единственное, что я знала точно, — оно причиняло мне неудобство.

Три дня я проводила во Дворе ста внуков, не решаясь уйти, мои движения были нерешительны, слова — неуверенны. Не знаю, догадывалась ли А-Хуань о моих сомнениях, но предпочитала молчать, или же действительно ничего не ведала, — так или иначе, она не обмолвилась об этом ни словом, даже к событиям на фронте проявляла какое-то равнодушие.

На четвёртый день, пока я всё ещё колебалась, терпение лопнуло у Цуй Мин-дэ, и она сама явилась во Двор ста внуков.

Она обычно чуждалась пышности, но сегодня специально надела платье алого цвета: верхняя одежда была чуть светлее, нежно-розовая, как только что распутившийся персиковый цвет, а юбка — темнее, ярко-алая, как зимняя слива. Походка её по-прежнему была легка, она прямо вошла в палату, даже не поклонилась, устремив на А-Хуань пристальный взгляд: «Ну что, княгиня, теперь вы добились своего?»

Взгляд её был холоден, как лёд, лицо — бледно, как железо. Казалось, вот-вот она бросится и вцепится А-Хуань в горло. Я инстинктивно встала перед А-Хуань и с лёгкой неловкостью произнесла: «Эрнян пожаловала? Давно не виделись, как поживаешь?»

Цуй Мин-дэ холодно посмотрела на меня. Под её взглядом я почувствовала себя ещё более неуверенно и невольно опустила голову. Но А-Хуань мягко взяла мою руку, встала рядом и с лёгкой улыбкой произнесла: «Нет, это не я добилась своего, а Дугу Шао».

Лишь одна эта фраза дала мне ответ, мучивший меня долгое время. В сердце похолодело, рука непроизвольно дёрнулась, легко выскользнув из ладони А-Хуань, и я отступила в сторону. Цуй Мин-дэ с усмешкой взглянула на меня, затем гордо подняла подбородок, глядя на А-Хуань: «Неужели?»

Такая поза была обычной среди знатных отпрысков, бросающих вызов сверстникам. Я думала, не увижу подобного от Цуй Мин-дэ, и лишь сегодня осознала своё невежество — Цуй Мин-дэ не только могла принимать такой вид, но и высокомерие, презрительность в её облике превосходили обычных знатных отпрысков в сто раз. Хотя на мне были пурпурные одежды первого ранга, её алый наряд пятого ранга полностью затмил меня.

Однако А-Хуань не дрогнула перед напором Цуй Мин-дэ. Она по-прежнему стояла недвижимо, голос её был тих и ровен, на лице играла улыбка: «Не я обучала Дугу Шао военной стратегии и построениям. Не я велела ей добровольно выступить с танцем с мячом, стать телохранителем, тренировать женский отряд. Не я вывела её из стражи, переведя в Цзиньфу. Не я подала доклад о её отставке, принуждая к замужеству. Не я пожаловала ей звание генерала Юцзи... Эрнян полагает, что её уход в армию — это моя победа?»

В глазах Цуй Мин-дэ вспыхнул гнев: «Если бы не ты нашептала принцессе уговорить её, разве она додумалась бы до этого?»

А-Хуань улыбнулась, глядя на меня: «Тайпин, упоминала ли ты в тот день что-либо об армии?»

Я нахмурилась: «Лишь сказала, что на четырёх границах неспокойно, и если Луонань-гуна назначат на важный пост, ему будет не до её свадьбы, так что пусть не торопится».

Цуй Мин-дэ засмеялась: «Конечно, ты не стала бы говорить об этом прямо. С её умом достаточно одного намёка, чтобы она поняла: лучший способ избежать свадьбы — отправиться в армию. Все её прежние звания — Всадницы Мулан, Цзинь — были лишь для виду. Как бы она ни бунтовала, всё имело пределы, к тому же она находилась во дворце, в департаментах, и как бы ни была дурна её слава, не доходила до крайности. Но в армии всё иначе... там она одна женщина...» Она стиснула зубы, с ненавистью глядя на А-Хуань, но та лишь улыбалась: «Так, значит, Всадницы Мулан, которых Дугу Шао лично выпестовала с нуля, в глазах Эрнян — всего лишь красивая вывеска, детская забава? Интересно, что бы сама Дугу Шао об этом подумала?»

Цуй Мин-дэ ответила: «Не юли словами. Ты с умыслом подстрекала А-Шао вступить в армию, чтобы связать нас с вами. Я пришла сказать тебе: твоей воле не бывать».

А-Хуань приподняла бровь: «О? Значит, за три дня Эрнян так и не поняла, что теперь, кроме Тайпин и меня, больше некому всем сердцем помочь тебе и Дугу Шао?»

Цуй Мин-дэ холодно произнесла: «Нет, не кроме вас, а кроме принцессы. Принцесса и ты — не одно целое». Будто желая утешить А-Хуань, она ещё выше подняла подбородок и, улыбаясь, взглянула на меня: «Не так ли, принцесса?»

Цуй Мин-дэ смотрела на меня. А-Хуань тоже смотрела на меня.

Во взгляде Цуй Мин-дэ сквозило всепонимание и привычная для знатных отпрысков надменность. Взгляд А-Хуань был не столь напорист, но в нём тоже читалась некая настойчивость. Впервые обе они смотрели на меня так пристально, и на душе стало нестерпимо неловко. Хотя поступок А-Хуань и причинял мне дискомфорт, я не желала, чтобы она уступила Цуй Мин-дэ. Я сжала губы и наконец произнесла: «Сейчас самое важное — безопасность А-Шао. Препирательства здесь бессмысленны».

<http://bllate.org/book/16278/1467319>